

DOI: 10.18721/JHSS.8111
УДК 1 (091)+113/119+130.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ЖАНА БОДРИЙЯРА

В.А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируется истолкование смысла реальности в философии Жана Бодрийяра. С начала 70-х гг. XX в. в произведениях французского ученого складывается оригинальная система понимания реальности в терминах «симулякр» и «гиперреальность», выступающих основой критики им постмодернистской культуры. Понятие «симулякр», взятое из словаря стоиков, является коррелятом реальности как характеристика неподлинности, суррогата, отсутствия и подмены реальности ее копиями. Гиперреальность как форма телесной экспансии, напротив, означает «избыток» реальности. Терминология помогает Бодрийяру выразить принцип «реализованной несущественности» и выступает формой критики цивилизационных моделей упрощенной редуцированной антропологии. На примере его позднего произведения «Америка» показано, как работают эти понятия (на конкретном материале описания путешествия философа в Новый Свет). Философская проблематика послужила в этой работе ключом к описанию конкретного явления, того самого «реального», которое Ж. Бодрийяр поставил своей целью дескриптивно исчерпать.

Ключевые слова: Бодрийяр; неклассическая рациональность; символические структуры; реальное; гиперреальное; симулякр

Ссылка при цитировании: Серкова В.А. Трансформация реальности в концепции Жана Бодрийяра // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 92–98. DOI: 10.18721/JHSS.8111

THE TRANSFORMATION OF REALITY IN THE PHILOSOPHY OF JEAN BAUDRILLARD

V.A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the interpretation of the meaning of reality in the philosophy of Jean Baudrillard. Since the early 1970s, the original system of understanding reality was formed in his works in terms of “simulacrum” and “hyperreality”, serving as the basis of Baudrillard’s criticism of postmodern culture. The concept of “simulacrum”, taken from the dictionary of Greek Stoics, is a correlate of reality as the characteristic of non-authenticity, surrogate, absence and substitution of reality by its copies. “Hyper”, as a form of bodily expansion, means an “excess” of reality. The terminology helps Baudrillard to express the principle of “realized nothingness”, and is a form of criticism of civilization reduced to simplified models of anthropology. For example, his later work, “America”, shows how these concepts work with specific material describing Baudrillard’s travels in the New World. The philosophical perspectives in this work have

served as the key to the description of particular phenomena, thus, as the “real”, which Baudrillard aims to exhaustively describe.

Keywords: Baudrillard; non-classical rationality; symbolic structure; real; hyperreality; simulacrum

Citation: V.A. Serkova, The transformation of reality in the philosophy of Jean Baudrillard, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (1) (2017) 92–98. DOI: 10.18721/JHSS.8111

Ничто так не определяет суть философской концепции, как смыслы реальности, заложенные в ней. Определение, истолкование и описание того, что понимается в концепции как «реальное», — это основа ее онтологической и гносеологической программы.

Попробуем проанализировать интерпретацию «реальности» французским философом Жаном Бодрийяром. Сочувственное внимание к «сверхсмыслам» постмодернистского провокативного использования понятий, может быть, позволит нам выявить неочевидную идеологию представителей этого направления, вообще говоря, недооцененную в свете заката «моды на постмодернизм» и нарастающего неолиберального дрейфа в сторону постчеловеческой реальности. Что здесь имеется в виду? Идеология либерализма в целом управляется признанием абсолютной ценности свободы, проявляющейся в раскрепощении желания, этой определяющей основы потребления эпохи позднего капиталистического производства и массовой культуры. Потребительство не ограничивается жадной товаров и гаджетов, но распространяется на всю систему квазикультурного производства и манифестируется в реализации того, что постмодернисты называли «телесными практиками», проникает во все сферы нормативных и табуированных сфер жизни. С некоторого времени можно выбирать пол, возраст, религию, вообще определять по своему желанию систему регуляции гендерных отношений. Реальность становится управляемой настолько, что все заложенные, в том числе природой, матрицы оказываются варьируемыми по принципу «чего изволите?».

Бодрийяр отлично уловил намечающиеся во второй половине XX в. контуры перепрограммирования реальности в условиях послевоенной Европы. Он сумел выразить суть глубочайших трансформаций культуры в сво-

ей философской программе, которую условно можно назвать исследованием «трансреальности», и описал эти процессы в теории симулякров. Концепция Бодрийяра складывалась в 70-е гг. XX в. в традициях французской философии того времени как эклектическая программа, в которой политэкономия К. Маркса дополнена психоанализом З. Фрейда, семиотикой Соссюра, социологией М. Мосса и Ж. Батая. Основные понятия социокультурной теории Бодрийяра (гиперреальность, симулякр, символический обмен) появились уже в ранних его произведениях — «Системе вещей» (1968), «Обществе потребления» (1970), в работах «К критике политической экономии знака» (1972), «Зеркало производства» (1973), «Символический обмен и смерть» (1976). В произведениях 1970-х гг. Бодрийяр стремился расширить традиционную критику капиталистического способа производства и дополнить анализ экономической системы анализом механизмов символического обмена. Нарушение символического обмена и редукция его, с точки зрения ученого, ведет к порабощению знаковыми системами.

В работах 1980-х гг. Бодрийяр еще более сосредоточен на анализе знаковой природы культуры и референтных базовых структур, которые лежат в основе всех форм символического обмена и означивания. В знаменитой работе «Симулякр и симуляции» (1981) он разрешает для себя проблему референции, поиска «реальности» и «реального эквивалента» знака. В теории симулякра Бодрийяр отходит от основной линии соссюровской трактовки знака, для которой характерно принципиальное исключение проблемы референциальности из семиотического анализа. Интерес Бодрийяра лежит именно в сфере денотатов и референтов и в конечном итоге упирается в проблематику «реального» и его «заместителей». Следует отметить,

что в этом отношении он более тяготеет не к французской семиотической концепции знака, а к американской (к семиотической традиции, идущей от Ч. Пирса), в которой упор делается на анализ референциальных знаковых структур. Разумеется, Бодрийяр вполне самостоятельно и, более того, весьма оригинально продвигается в этом направлении. Как уже было замечено, американская семиотика, в отличие от французской, никогда не утрачивала интереса к репрезентативным и денотативным механизмам знакового процесса. Во Франции сосюрвовское положение о произвольности знака и исключение референта из семиотического контекста отчасти привели к выделению литературы как особой области аналитики и, следовательно, отдельной области семиологии, как у Р. Барта, с другой стороны, инспирировали анализ в духе «археологии смысла» М. Фуко.

Бодрийяр в своем варианте семиотической концепции исследует структуры гиперреальности и симулякров. Он определяет четыре стадии знаково-референтных отношений: отражение знаком некой глубинной реальности; искажение ее в знаке; маскировку утраты связи с реальностью, нарушение референциальных отношений; утрату основания в реальности и переход к формам симуляции и симулякров. В развертке знаковых ситуаций, которую предлагает Бодрийяр, заметно движение знака не только в сторону опустошения сущностного содержания, но в направлении, так сказать, оскудения самой реальности. Эта тенденция выражается и в последовательности теоретических построений во французской философии последней четверти XX столетия, и в событиях и явлениях современной культуры, в которой, начиная с эпохи Возрождения, Бодрийяр видит основания к вытеснению «реальности» и утверждению симулякровых порядков. И хотя само понятие симулякра взято из философии стоиков, интерпретировавших понятие «копии» в философии Платона, в постановке проблемы отношения реальности и ее заместителей Бодрийяром проблематизируются самые злободневные вопросы современного ему общества.

Симулякр онтологически извращает то, чему он подражает и что условно можно называть «первичной реальностью». «Деградация в неаутентичное» — это прямое следствие способности симулякра к воспроизведению реального.

В симулякре проявляется «совершенная форма той несущественности, той маргинальной дифференциации, через посредство которых функционирует персонализированное отношение человека к своим вещам» [1, с. 58]. Достойным примером такого рода вытесненного содержания могла бы послужить «американская улыбка» (практика *keep smile*). В работе «Общество потребления» (1970), анализируя эту складывающуюся тогда этикетную практику, Бодрийяр писал: «Утрата непосредственной, взаимной, символической человечности в отношениях — основной факт наших обществ. <...> Регистраторша, социальный работник, специалист по связям с общественностью, рекламная красотка — все эти чиновные апостолы выполняют в наших обществах миссию вознаграждения, смазывания общественных отношений институциональной улыбкой» [2, с. 205]. Бодрийяр вспоминает в этой связи улыбку чеширского кота — след ее там, где все эмоции уже исчезли. Это феномен рекламной улыбки с «нулевой степенью радости». Не будучи способной выразить живое чувство, она тем не менее реализуется и занимает место настоящего эмоционального переживания. Улыбка в таком случае воспроизводит присутствие отсутствия. Бодрийяр встраивает ее в ряд таких типов телесной жизни, как маниакальная диета и джоггинг (стремление избавиться от излишних калорий в бесконечных пробежках и тренинге), который ученый называет жертвоприношением собственной энергии.

Тема симулякра определяет круг проблем работы «Прозрачность зла. Эссе о крайних феноменах» (1990), в которой Бодрийяр развивает тему демонизма вещи, «освобожденной от своей идеи».

В работе «Фатальные стратегии» (1983) Бодрийяр предлагает решать проблематику реального через описание гиперреальных структур. Понятие «гиперреальность» появилось в его раннем произведении «Система вещей» (1968). Бодрийяр воспользовался этим понятием, позаимствовав его из искусствоведческого лексикона, в котором оно отсылало к модному тогда направлению в живописи. Там гиперреальное означает эстетику воспроизведения привычных визуальных качеств вещей либо в преувеличенных размерах, либо с избыточными физиологическими подробностями. Гипертрофия органов и предметов и микрография их изображения

характеризуют гиперреалистическую живописную эстетику. Гиперреальное пришлось к месту в концепции Бодрийяра, и в метафизическом измерении это понятие означает «систему насильственного одаривания». Истоком смыслов здесь выступает концепция М. Мосса, племянника Э. Дюркгейма и последователя его школы. Эта концепция изложена Моссом в исследованиях архаической культуры, в частности в труде «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» (1925). Речь идет о механизме проявления власти, которая только и может в полном смысле слова одаривать (этот процесс, согласно представлениям Бодрийяра, не является взаимным). Бодрийяр проецирует эту ситуацию нарушения символического обмена на современность. Навязчивость рекламы, влияние моды, кодексы приличия, определенность всего нормирующего порядка и социальных иерархий, другими словами, всё то, что имеет эстетико-формализующиеся эквиваленты и особую возможность утверждения себя в мире, в системе бодрийяровской понятийной логики называется «гиперреализмом». Переизбыток реальности, форсированный в знаках и вещественно воспроизводящийся, сама автоматика этого процесса постоянно расширяют зону присутствия гиперреального и служат источником реального так же, как реальное служило источником воображаемого и фантастического в других философских программах.

В работе «О совращении», также относящейся к 1980-м гг., Бодрийяр анализирует культурные и социальные формы проявления гиперреальности. Его как социолога беспокоят процессы абсорбции, поглощения реальности гиперреальностью. С точки зрения ученого само техническое развитие современного мира провоцирует социальные процессы, которые он называет «обсессивными манипуляциями и созерцаниями». «Ориентация на понимание мира как упорядоченного, закономерно устроенного объекта, в котором разумное существо, познавшее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними процессами. Надо только изобрести технологию, чтобы искусственно изменить природный процесс и поставить его на службу человеку. И укрощенная природа будет удовлетворять человеческие потребности во всё расширяющихся масштабах», — комментируют эту ситуацию современ-

ные исследователи А.А. Краузе, А.С. Сафонова, О.Д. Шипунова [3, с. 8]. Бодрийяр с разных сторон описывал современную культурную ситуацию как критическую, в которой вещи определяют людей: описывают, производят и воспроизводят всех тех, для кого они предназначены. Вещи задают общественную иерархию. Одним словом, они господствуют в гиперреализованном мире.

Наиболее интересно проблема «реальности» ставится и разрабатывается Бодрийяром в эссе «Америка» (1986), написанном как бы на полях его философских работ и посвященном путешествию ученого в Новый Свет. Философская проблематика послужила в этой работе ключом к описанию конкретного явления, того самого «реального», которое Бодрийяр поставил своей целью дескриптивно исчерпать. Невозможно, пожалуй, придумать более подходящий материал, в котором проявлялись бы все интересующие философа тенденции современной ему культуры, чем Америка. Если бы не было Америки, Бодрийяру следовало бы ее выдумать, чтобы продемонстрировать на примерах свою теорию гиперреальности и симулякра.

Еще один мотив требует предварительного освещения — тема аналитики путешествий, в частности тема путешествий во французской эссеистике. Традиция описания путешествия — это прежде всего практика некоторой аналитической ревизии культурной чужеродности, как определяет тему сам путешественник. Опорные знаки, рабочие образы, «чистые впечатления» и т. д. — все они подчинены схеме жесткой оппозиции своего/чужого.

Путешествие как эксперимент, доставляющий материал для методологического тренинга, практиковалось и В. Беньямином, и А. Жидом, и Ж. Деррида. Московский вояж Деррида описан им в работе «Back from Moscow, in the USSR».

Описание путешествия Бодрийяра в Америку требует особой методологии считывания скрытых в нем смыслов. Их реконструкция может стать весьма интересным способом понимания данной работы, управляющим и непосредственными впечатлениями, и изощренной метафорикой эссе. Проблема впечатления «от» увиденного, отсылающая к источнику референций, к изначальной предметности, опять ставит нас перед проблемой «реальности», базовой, как мы видим, для Бодрийяра.

Америка как некая форма «изначальной подлинности», реконструируемая в ходе аналитики, и как поставленная под сомнение культурная определенность — два сходящихся и расходящихся полюса аналитики Бодрийера. Наложение этих несовпадающих предметов определяет совершенно особенное наслаждение от чтения эссе. Нельзя даже сказать, что в этом тексте производит столь неотразимое впечатление: деспотизм метода (метаинформация, код, система дешифровки, симулякр как базовая модель описания) или тот «первичный материал», та «фактичность», которая сопротивляется производству простых однородных элементов, препятствует деконструкции «реального как такового» и только тиражирует производство симулякрных моделей, копии копий.

Для представления Америки философ использует форму тревеллинга, не отягощенного туристическими авантюрами, но нагруженного метафизическим балластом. Бодрийер раскрывается в этой работе как автор, чрезвычайно тонко работающий с пространством. Америка изображается в гипермасштабе («Америка — это континент») [4, с. 150]. И масштаб континентальности фиксируется в каждом изображаемом объекте. Бодрийер пытается воспроизвести нечто вроде космологической репродукции Америки и в необычной системе координат, его привлекает «геологическая, а значит, метафизическая монументальность» американского пейзажа [Там же. С. 69], которая отличается от обычной, «нормальной», физической высоты рельефов.

Метафоры оказываются удобной формой для обычных французских интеллектуальных авантур постмодернистов, и Бодрийер здесь в изобилии использует их, возводя метафору в ключевую дискурсивную форму, выражающую своеобразный геологизм американского ландшафта («кропотливая вечность медленно разворачивающейся катастрофы»). Философ неистощим в применении разнообразных форм риторической речи (метонимии, катахрезы, синекдохи), чтобы подчеркнуть чрезмерную интенсивность «гиперреализованного» явления. Американский ландшафт интересует Бодрийера в специфическом отношении — как источник гиперреального. Ученый обращается к объектам грандиозного масштаба, с, так сказать, нагнетенной пространственностью. Его привлекают Великая пустыня, Большой каньон и

сомасштабные им культурные сооружения, такие как Бонневильская дорога, гигантские промышленные комплексы, небоскребы. В технике бриколажа к американскому геологическому ландшафту природных памятников древности как к некоей изначальной природной глубине, пустоте, избытку пространства прикладываются суперсовременные культурные объекты мегаполисов. Для Бодрийера связи и разрывы природного и культурного весьма значимы. Геологические и астральные факторы, на его взгляд, породили праамериканскую индейскую магию, жестокую религию автохтонов и «жертвоприношения, равные порядку естественных катаклизмов» [Там же. С. 70]. Ландшафтный код задает определенность считывания форм культур, и метафора является ключом и средством дешифровки. Как в гигантскую пространственную горизонтально-вертикальную рамку вписаны сопредельные с внекультурной средой предметы, связанные между собой большими скоростями и гиперрасстояниями. Всё это порождает особую американскую эстетику «абсолютной горизонтальности», «геометрически поделенной беспредельной протяженности городов», «планиметрии в границах пустыни», «голой пространственности».

В самой непосредственной форме впечатления от американского ландшафта реализуются философом в описаниях пустыни. Пустыня — это рабочий образ в эстетике Бодрийера. Пустыня проявляется как природное тело Америки и как зримый, гиперреализованный знак ее внекультурности. Соседство сверхпреуспевающей цивилизации и неокультуренной природной зоны используется в качестве приема «экстатической критики культуры», как «негатив цивилизационных настроений». Пустыня привлечена не только как контраст цивилизации, но и как образ, интенсифицирующий проявления культурно-цивилизационных качеств ландшафтных объектов. Она привлекательна как определенная космограмма, как элемент космологического порядка, в котором обозначена «кристаллизация метафизических страстей пространства и времени».

Иногда, правда, создается впечатление, что Бодрийера преследуют метафоры как навязчивый образ, не позволяющий контролировать процесс производства всякого рода тропов, переносов значения, игры смыслами. При

этом строй образов и их смысловое наполнение определяет некий смысловой каркас, определяющий изначальный горизонт сознания [5].

То же самое можно наблюдать, к примеру, в знаменитом произведении маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», где метафора пустыни (или пустыря) формирует «идеологию» текста, определяет особенности критики культурной инородности русского пейзажа, которая преобразовывается в фобию больших расстояний. Можно привести целую подборку цитат из мемуаров А. де Кюстина с описаниями русского ландшафта, где фигурируют образы пустоты и ее структурных модификаций: «Этот город дворцов со своими огромными пустыми пространствами и мощеными площадями очень похож на поле...» [Цит. по: 6, с. 16]; «Как ни великолепен этот военный город, европейцу он представляется нагим и пустынным» [Там же]; «Великолепный город... окружен... безмянными пустырями...» [Там же]; «Этот город вообще нельзя назвать веселым, но без государя и двора он превращается в пустыню» [Там же]; «Я описал город, лишенный своеобразия, скорее пышный, чем величественный, скорее поражающий своими размерами...» [Там же]; «Улицы поросли травой, потому что они слишком просторны для пользующегося ими населения» [Там же]; «...самые пышные его (Петербурга. — В. С.) улицы сходят на нет в пустыне» [Там же]; «...лучшие памятники архитектуры Петербурга теряются среди огромных площадей, похожих более на равнину...» [Там же]; «...площади, украшенные колоннами, которые теряются среди окружающих их пустынных пространств...» [Там же. С. 17]. И далее в том же духе.

У Бодрийера пустыня как метафора, как форма, используемая почти автоматически, без отслеживания процесса ее утверждения в описании, и пустыня как форма-результат деконструктивистского операционализма — это примеры его разной текстовой стратегии. Метафора уместна тогда, когда она выступает кодом, который вводит нас в «другую реальность». Но риторическая перегруженность дискурса, литературность и образная избыточность приводят к мерцанию смысла. В этой ситуации философ предпринимает усилие всерьез разоблачить метафору, заняться ее разборкой, вникнуть в ситуацию поглощения предмета способом его означивания. Бодрийер, так же как и М. Фуко,

Р. Барт, Ж. Деррида, исследует природу метафорической репрезентации смысла. Метафора не является неадекватной формой реализации смыслового содержания, скорее, ее надо понимать как особую стратегию конституирования смысла, риск которой и определяется возможностью выхода в симулякрную область.

Если в целом характеризовать стратегию описания, используемую Бодрийером, то можно утверждать, что он ищет «подлинную Америку», но находит только ее симулякрные аналоги. Как проявляется природа симулякра в качестве артикуляции значений реального и как в симулякре выражается вытесненное, подвергнутое цензуре содержание? Симулякры — это чистая форма объектов, которые, имея природу деривата, перверсивного искажения, квазипредметности, перестают соответствовать смыслу этого предсуществовавшего и «онтологически» вытесняют его. Симулякры — это двойники вещей, которые обладают большей онтологической представительностью, чем сами вещи. Суть симулякра (заменителя-копии) — в невозможности оригинала предъявить исключительное право на подлинность своего существования. Бодрийер приводит пример наивного симулякрного утверждения, выраженного в граффити: «Здесь был такой-то». Демонстрациям подобного рода нет конца, проявления симулякра бесчисленны: освещенные пустые строения, 24-часовое ТВ-вещание, безразличное испускание образов телевизора и компьютера. Согласно Бодрийеру, всякие формы искусственного могущества человека имеют симулякрную основу.

Не случайно, что главным для путешествия Бодрийера становится вопрос о «реальности Америки», а установкой американского вояжа — полная готовность оказаться в симулякрной зоне. Америка послужила удобным случаем для прикладной «симулякрологии». Америка в целом — как «непристойная очевидность симуляции» [4, с. 93]. И хотя «американцы не имеют никакого понятия о симуляции, они представляют собой ее совершенную конфигурацию, но, будучи моделью симуляции, не владеют ее языком. Они представляют собой идеальный материал для анализа всех возможных вариантов современного мира» [Там же].

Вся сфера реального, которое может быть выражено денотатом-референтом-означаемым,

«фактом», или фрагментом объективной реальности, т. е. вся сфера «подлинности», оказывается поглощенной знаком. Но если исчезает реальность, покоящаяся в основаниях собственной сущности, то отношение референции теряет смысл в качестве теоретической процедуры.

Другими словами, симулякрная и гиперреальная практика разрушает предмет описания, и проблема состоит в том, чтобы понять,

на какой стадии конструирования смыслов это происходит. Но самая главная проблема, запретный, так сказать, вопрос: даже если мы поняли, что собой представляет «неподлинная Америка», «симулякр Америки», к кому нам обращаться за «настоящей»? Вряд ли Бодрийяр в своих философских системах координат направит нас к обнаружению реального. Вопрос для него слишком простодушный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. 168 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция : Республика, 2006. 269 с.
3. Краузе А.А., Сафонова А.С., Шипунова О.Д. Культурная матрица техногенной цивилизации: аксиомы и ценности // Вопросы культурологии. 2009. № 11.
4. Бодрийяр Ж. Америка / пер. с фр. Д. Калугина. СПб.: Владимир Даль, 2000. 210 с.
5. Шипунова О.Д., Муреико Л.В. Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания // Научно-технические ведомости. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (251). С. 93–101. DOI: 10.5862/JHSS.251.11.
6. Серкова В.А. Жанр «Путешествия в Россию» и проблема дескрипции культурного пространства // Петербургские чтения / авт.-сост. И.В. Новожилова, А.С. Гафари, Р.А. Иванова. СПб.: Нестор, 2002. С. 14–45.

СЕРКОВА Вера Анатольевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; henrypooshel@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2017 г., принята к публикации 28.02.2017 г.

REFERENCES

- [1] J. Baudrillard, Sistema veshchey [The System of Objects], Rudomino, Moscow, 2001.
- [2] J. Baudrillard, Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [The consumer Society. Its myths and structures], Cultural revolution, Republic, Moscow, 2006.
- [3] A.A. Krause, A.S. Safonova, O.D. Shipunova, [Cultural matrix of industrial civilization: the axioms and values], Voprosy kul'turologii [Questions of cultural studies], 11 (2009).
- [4] J. Baudrillard, [America], Vladimir Dal', St. Petersburg, 2000.
- [5] O.D. Shipunova, L.V. Mureyko, [Cognitive scenarios in the design of mass consciousness], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 3 (251) (2016) 93–101. DOI: 10.5862/JHSS.251.11.
- [6] V.A. Serkova, [Genre "Trip to Russia" and the problem of descriptions of cultural space], Peterburgskiyecheniya [St. Petersburg readings], Nestor, St. Petersburg, 2002, pp. 14–45.

SERKOVA Vera A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; henrypooshel@rambler.ru

Received 04.02.2017, accepted 28.02.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017